Political Elite Studies | Doi: 10.46539/elit.v1i4.41

CARNIVAL POLITICAL CULTURE: POLITICAL ELITES IN SEARCH OF A LOST IDENTITY

Paul L. Karabushenko (a)

(a) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. E-mail: Pavel_karabushenko[at]mail.ru ORCID 0000-0003-2776-4089

Abstract

The crisis we are currently experiencing is dialectical in nature and lies in the fact that there is a fundamental discrepancy between form and content. This discrepancy is found in the professional actions of political elites, where their high status does not agree with their extremely low professional competence. The diagnosis of our time is that the greatness of the state is limited by the impotence of the elites and the insignificance of their national leaders. In essence, this is a crisis of world leadership (widespread degradation of the elite quality in those who are called upon to exercise general leadership of their nations).

The sphere of objective political reality is actively invaded and replaced by its carnival elements. Political carnival acts as a latent anti-reality, replacing objectivity with its subjectivity, which is a manifestation of the selfishness of free will of acting politicians who have gone beyond their professional competence and masking the obvious deficit of their professional education.

The modern political elite has abandoned the solution of serious objective problems and plunged headlong into the parallel reality it created, which more and more reminds us of a carnival. She is more interested in fake stories than real life stories. Since these elites cannot cope with the latter, they prefer to deal with the stories that they themselves write and control. Only in the latter case are they able to secure victory for themselves. A collision with objective reality is like death for them. This was shown by the story of the Covid-19 pandemic in 2020 and the introduction of widespread quarantine.

Key words

elite; the crisis; chaos; threats; conflicts; political carnival; insulation; quarantine; falsification; electoral games; ecology of elites; coronavirus (Covid-19)

This work is licensed under a <u>Creative Commons «Attribution» 4.0 International License</u>

КАРНАВАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Карабущенко Павел Леонидович (а)

(a) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия. E-mail: Pavel_karabushenko[at]mail.ru ORCID 0000-0003-2776-4089

Аннотация

Переживаемый в настоящее время кризис, носит диалектический характер и заключается в том, что существует фундаментальное несоответствие формы и содержания. И прежде всего, это несоответствие обнаруживается в профессиональных действиях политических элит, где их высокий статус не согласует их крайне низкой профессиональной компетентности. Диагноз нашего времени заключается в том, что величие государства ограничивается бессилием элит и ничтожеством их национальных лидеров. В сущности — это кризис мирового лидерства (повсеместная деградация элитного качества в тех, кто призван осуществлять общее руководство своими нациями).

В сферу объективной политической реальности активно вторгаются и подменяют ее карнавальные элементы. Политический карнавал выступает в роли скрытой антиреальности, подменяя объективность своей субъективностью, которая является проявлением эгоизма свободы воли действующих политиков, вышедших за рамки своей профессиональной компетенции и маскирующие явный дефицит своего профессионального образования.

Современная политическая элита отказалась от решения серьёзных объективных проблем и с головой ушла в созданную ею параллельную реальность, которая все больше напоминает нам карнавал. Фейковые истории её занимают больше, чем истории реальной жизни. Поскольку с последними эти элиты справиться не могут, они предпочитают иметь дело с теми историями, которые сами же сочиняют и контролируют. Только в последнем случае они способны обеспечить себе победу. Столкновение же с объективной реальностью для них смерти подобно. Это показала история с пандемией Covid-19 в 2020 г. и введением повсеместного карантина.

Ключевые слова

элита; кризис; хаос; угрозы; конфликты; политический карнавал; изоляция; карантин; фальсификация; электоральные игры; экология элит; коронавирус (Covid-19)

Это произведение доступно по <u>лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция»)</u> 4.0 Всемирная

ВВЕДЕНИЕ

Наблюдаемая в настоящее время во многих странах карнавализация политической действительности, свидетельствует о серьезности переживаемого политическими элитами кризиса своей идентичности. Публицисты и научное сообщество уже открыто говорят о том, что мир большой политики все больше напоминает собой «нечто», что очень схоже по своим параметрам с цирком, балаганом или карнавалом. О том, что все политики носят личины, писали многие еще со времен Платона и Сенеки. Но рост карнавального элемента в политической культуре в настоящее время, вселяет определенного рода тревогу за качество оказываемых элитами обществу политических услуг, которые в условиях роста системного кризиса грозят обернуться крупномасштабным и таким же системным военно-экономическим конфликтом.

Что собою представляет наблюдаемая нами карнавализация политической культуры? Прежде всего, карнавализация означает снижение профессиональной компетентности действующих политиков и превращение серьезной и уважаемой политики в цирковую политическую клоунаду, в балаган, в театр абсурда. СМИ, да и сами политики уже в открытую обсуждают карнавализацию политики, чаще всего осуждая, чем одобряя происходящие с ней изменения. Политический карнавал все больше захватывает правящие политические круги, с нарастающее силой проявляясь именно в действиях и в образе мышления политических элит и их лидеров. Карнавализация характеризуется с кризисом профессиональной идентичности элит, с потерей ими аксиологического качества. Именно аксиология элит и страдает в первую очередь от карнавализации политического процесса, нарушая экологию внутриэлитных отношений.

МЕТОДОЛОГИЯ

Кризис идентичности рассматривается автором как коллективная потеря субъектами конкретной элитной группы своего «эго» (как уникального набора признаков), связанная со снижением или с полным исчезновением тождественности с исповедуемыми ценностями и подрывом веры в свои возможности выполнения отведенной им социально-политической роли. Но самое главное — политические элиты перестали соответствовать своему собственному бренду (Brand Identity)— «самые лучшие». Именно кризис идентичности вызвал целый вал сопутствующих искажений и деформаций в системе качества элит и их лидеров. Кризис идентичности в элитах стал следствием кризиса кор-

поративной (Corporate Identity) и национальной (National Identity) идентичностей.

В настоящем исследовании использованы приемы анализа идентичности, существующие в современной науке. В настоящей работе по аналогии используются, уже применяемые в стратегическом менеджменте и маркетинге алгоритмы поиска и определения идентичности (См., например: Литвинов, 2010). Изучение социокультурной и политико-экономической идентичности элит связано с выделением их уникальных преимуществ, которыми они должны обладать и использовать, для управления и продвижения своих национальных и корпоративных интересов и ценностей.

Напомним, что еще Г. Алмонд отмечал, что «каждая политическая система основывается на совокупности смыслов и целей. Мы говорим об «установках по отношению к политике», «политических ценностях», «идеологиях», «национальном характере», «культурном этосе». Трудности с этими терминами связаны с их размытостью и неопределенностью. Понятия ориентации в отношении деятельности и эталонные переменные удобны, т. к. они, по крайней мере, стремятся к логической четкости и полноте» (Almond, 1956, р. 396).

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Девиз элит всех времен «nostantumpostulooptimus» («нам нужно только лучшее») оказывается неприменим к ним самим. Обществу необходимо, чтобы элиты действительно были самыми лучшими. Но на практике слова расходятся с реальностью, и общество в итоге получает то, что «элитой» становится по формальным её основаниям. Расхождение формы с содержанием обычное для элит дело. Содержание элиты оказывается чуждым ее форме. Элиты вступают в пору кризиса своей идентичности, утрате своих элитных качеств. Поиск утраченной идентичности приводит политические элиты в театр политического абсурда, заставляет их применять карнавальную политическую культуру. И утрата идентичности означает ее новый поиск.

Переживаемый ныне мировым сообществом глобальный политико-экономический кризис все чаще воспринимается как кризис леги-

¹ Германский философ В. Хёсле (Vittorio Hösle) кризис идентичности определял как специфическое взаимоотношение между «я» и самостью: «Его сущность состоит в отвержении самости со стороны "я"... Кризис идентичности происходит болезненно. Я бы сказал, пожалуй, что он является самым болезненным жизненным переживанием... сущностью [кризиса коллективной идентичности является уменьшение идентификации индивидов с коллективной реальностью, которую они прежде поддерживали... успешно преодоленный кризис идентичности является важным моментом развитой идентичности» (Хёсле, 1994, стр. 117, 121).

тимности. ² Он оказался серьезным ударом по политическим ценностям западного мира, поколебав до основания его широко разрекламированные доктрины мультикультурализма, толерантности и глобалистического либерализма. ³ Выхолащивание ценностей — один из главных признаков карнавализации политической культуры. Современный политический карнавал возникает как следствие того, что существующий мировой порядок выдохся и нуждается в обновлении и перезагрузке. Осознание того, что нынешний мировой порядок деградировал, приводит истеблишмент к попыткам его восстановления и стремления занять в нем прежние лидирующие позиции. ⁴ Карнавальная политическая культура лишь провоцирует беспорядок, усиливая деградацию политической системы. И как показывает политическая история, именно политические элиты первыми на себе ощущают эту деградацию и первыми впадают в состояние карнавальной политической культуры (Ашин, 2010).

Ещё С. Хантингтон указывал на то, что идентичность представляет собой «самосознание индивида или группы. Она представляет собой продукт самоидентификации, понимания того, что вы или я обладаем особыми качествами, отличающими меня от вас и нас от них. Идентичность присуща даже новорожденному, у которого она определяется такими признаками, как пол, имя, родители, гражданство... Идентичность важна потому, что определяет поведение человека. Если я считаю себя ученым, я буду вести себя соответственно этому представлению» (Хантингтон, 2004, стр. 50). Но субъекты элит ведут себя не так, как он них ожидает идеалистически смотрящая на них публика. Некоторые (из-за демократической стеснительности) даже не относят себя к элите. И то поведение, которое нам демонстрируют

т

² Так, британский журналист Тони Барбер отмечал, что «сегодняшняя реальность состоит в том, что экономический кризис, независимо от своего происхождения, смешивается с потенциально далеко идущим кризисом легитимности европейской политической системы... Чем больше долговой кризис подрывает послевоенный социальный контракт современной Европы, тем меньше остается доверия избирателей к политической системе, которая рассматривается как нарушитель сделки» (Цит.по: Арбатова, 2013, стр. 23).

³Даже бывший британский премьер-министр Дэвид Кэмерон был вынужден признать, что «толерантность, основанная на невмешательстве в дела тех, кто отвергает западные ценности, себя не оправдала. Необходимо перейти к «мускулистому либерализму», при котором национальная идентичность формируется за счет демократии, равных прав, главенства закона и свободы слова». - Кэмерон призывает забыть о политике мультикультурности. Русская служба ВВСпеws. 02.02.2011. - URL: https://www.bbc.com/russian/uk/2011/02/110205_cameron_multiculturalism_failed

⁴ В марте 2018 г. президент одного из старейших в США «мозговых центров», Совета по международным отношениям (Councilon Foreign Relations) американский дипломат Ричард Хаас (RichardNathanHaass), высказался по поводу того, что либеральный мировой порядок деградировал настолько, что его уже нельзя называть ни мировым, ни порядком как таковым. Но «прежде чем наступит конец миропорядка, ему будет предшествовать период его длительной деградации, и этот процесс никак не может быть внезапным и скоропостижным» (Хаас, 2019).

представители формальных элит, указывает на их культурные коды и мотивацию. Конструкция идентичности элит может меняться как под воздействием исторических реалий конкретной эпохи, так и новейших достижений науки. Очевидным конструктором ценностей элит является элитология. Но на практике можно слышать, что данные теоретической элитологии в отношении элит недостоверны, что достоверны только данные эмпирической элитологии, занимающейся замерами конкретных элитных сообществ. Но такая элитология не в состоянии ответить на вопрос, действительно она исследует элиту, или то, что себя выдает за неё? Ответ на этот вопрос является самым принципиальным для науки.

Рассматривая современные правящие элиты сквозь призму карнавальной политической культуры, мы видим, что они утратили свою прежнюю идентичность и потеряли привычный смысл существования и заняты поиском нового. Причем поиск этот невсегда оказывается для них позитивным и успешным. Элиты пытаются заново сконструировать свою идентичность, отобрав для этого новый набор ценностей и норм. Но то, что творится у них с их коллективным сознанием и как они конструируют свою новую субъективную реальность, вызывает удивление и осуждение. Напомним, что феноменологическая социология (П. Бергер и Т. Лукман) считает идентичность «ключевым элементом субъективной реальности» (Вегдег, & Lukman, 1995, р. 279). Полный и окончательный уход в глубины субъективной реальности может грозить полной потерей идентичности, которая растворяется в частностях и оказывается неспособной собраться в нечто единое целое.

Вместо «конца истории», описанного Ф. Фукуямой в качестве окончательного торжества либерализма и открытых рыночных отношений (Fukuyama, 1989), в настоящее время мы наблюдаем кризис ядра «мейстримной» политики, связанного с наступлением «Великой Рецессии» (Stiglitz, 2010). В политических элитах рецессия их элитности уже давно переросла в кризис их профессиональной идентичности. В последнее время вообще участились случаи обвинения западных политиков в некомпетентности, халатности и близорукости проводимой ими политики (Литвак, 2018, стр. 168). Внутри самих элит

⁵ Все тот же С. Хантингтон отмечал, что: «Идентичности в общем и целом представляют собой конструкты. Люди конструируют собственные идентичности, занимаясь этим, кто по желанию, кто по необходимости или по принуждению», а также, что «...индивиды склонны менять идентичности» (Хантингтон, 2004, стр. 51, 50). Если субъект элиты разделяет уже существующую систему ценностей, по которым определяется элита, то это значит, что он принимает данные проверенные опытом и наукой; если нет, и начинает ломать прежнюю систему, значит ему свойственен революционный порыв, который может его привести не туда, куда он сам себе планирует.

нарастает разочарование и усталость от проводимой ими политики. И некоторые политики, уже не стесняясь, об этом говорят. 6

Политики, не стесняясь, обвиняют друг друга не просто в плохом понимании текущих политических событий, но и в откровенно умственном маразме, нравственной деградации и профессиональном вырождении. Дегенеративность элит становится предметом открытого обсуждения и на страницах научной и мемуарной литературы, фактически являясь результатом отрицательной селекции элит. Политический карнавал и проявляет себя как мир выродившихся элит – элиты деградировали и не способны рожать позитивные смыслы. Субъект таких элит может характеризовать себя как вполне успешный руководитель, талантливый менеджер и профессиональный деятель, отождествляя себя с самыми лучшими эталонами своей культуры и цивилизации. Но эти характеристики будут являться характеристиками мифологии его жизни и мифа о нем. Он всегда будет стремиться к предельно широкому пониманию (в котором теряются конкретные смыслы его бытия) самого себя, понимая, что в узком (специальном) понимании он как субъект элиты проигрывает по всем параметрам.

В идентификации важная роль отводится дифференциации на «мы» и «они». И весьма часто именно юмор и политическая сатира являются красной чертой разводящих «нас» и «их» по разные стороны. Карнавальные политические элиты ведут себя так, что вызывают осуждение и осмеяние своей деятельности. Карнавальность означает великую подмену действительного на мнимое, иллюзорное. То, что раньше казалось смешным, становится суровой реальностью; поруганное обретает святость, а прежняя святость оказывается никчемной заурядностью. То, над чем в прошлом не допускалось смеяться, оказывается в эпицентре гомерических издевательств. Переросший в хохот смех, сам себя убивает, поскольку теряет свою идентичность. Так и достоинства элит нивелируют в сторону утраты совершенства качества, гонясь за мнимыми достоинствами.

⁶ Так, например, бывший посол Франции в Югославии Ж.-М. Шеню вспоминал, что его служба в этой стране стала самым настоящим разочарованием, после того как ему пришло осознание отрыва политики Парижа от реальных событий и противоречия с французскими и европейскими этическими принципами и целями (Chenu 2002, р. 129).

⁷Карнавальность разрушает идентичность элит, делая их неузнаваемыми, прежде всего для них самих. И подобное их состояние указывает на трагикомичность их бытия. Трагедия элит (потеря ими элитности) делает их объектом для осмеяния. Ещё академик А.В. Дмитриев в качестве одной из функций политического юмора как раз и называет «функцию идентификации, дифференциации и сплоченности» - именно различные направления юмора подчеркивают дистанцию между «мы» и «они» (Дмитриев, 1998, стр. 174-177, 271).

Современное человечество застряло между поздним индустриальным обществом и ранним постиндустриальным миром. Ценности первого стремительно обрушаются, ценности последнего мучительно рождаются, неся многочисленные ошибки и просто незапланированные материальные издержки 8 .

Диагноз современной эпохи указывает на то, что элитам надлежит готовиться не к культуре потребления, а к технологиям выживания. Но выжить в условиях завышенных потребностей к потреблению они уже практически не могут. Все перечислено нами выше свидетельствует о том, что данный исторический вид элит себя полностью уже исчерпал...

КРИЗИС ЭЛИТНОСТИ В ЭЛИТАХ

Еще Платон утверждал, что для здоровья государства необходимо избавить (изгнать) его поэтов и тех деятелей культуры и политики, которые своими пустыми баснями вводят народ в заблуждения, увлекая его иллюзиями, в которые тот по своей доверчивости и наивности охотно верит (Государство, 377b; 392b)⁹ (Платон, 1994). За это Платона много раз обвиняли в симпатии к тоталитаризму и в попытке установить тиранический вид власти (Поппер, 1994, Т.1. стр. 123 и далее). Так, насколько Платон был не прав? Или в его словах есть рациональное зерно?

Ведь еще отец диалектики Гераклит обратил внимание на то, что «многознание уму не научает», иначе бы самыми мудрыми считались болтуны, такие как Гомер и Гесиод, придумавшие о богах всякий неправдоподобный вздор. Иными словами Гераклит и Платон считали, что Гомер и Гесиод являются не просто баснописцами, но и представителями карнавальной политической культуры, которые своими баснями вводят общественное сознание в заблуждение. Именно против

.

⁸ Известный британский социолог польского происхождения профессор Лидского университета Зигмунт Бауман (*Zygmunt Bauman*) (1924-2017) оценивал современный мировой порядок как «период interregnum», характеризующийся состоянием неуверенности и непредсказуемости. Interregnum - это состояние, когда «старое уже не работает, а новое еще не народилось. Или народилось, но мы его еще не замечаем, потому что этот новорожденный скулит так тихо, что мы его не слышим» (Бауман, 2008).

⁹ Изгоняя лживых поэтов из своего идеального государства, Платон делает исключение только для правителей-философов, которые имеют монополию на мифотворчество: «Уж кому-кому, а правителям государства надлежит применять ложь как против неприятеля, так и ради своих граждан для пользы своего государства, но всем остальным к ней нельзя прибегать... Если правитель уличит во лжи какого-нибудь гражданина, он подвергнет его наказанию за то, что тот вводит гибельный обычай, переворачивающий государство, как корабль» (*Государство, 389с-d*) (Платон, 1994). Таким образом, поэтов следует изгнать не за то, что они «лжецы», а за то, что их «ложь» расходится с государственной.

этого заблуждения и выступали они. Платона следует считать первым критиком пороков карнавальной политической культуры, а не обвинять его в симпатиях к тоталитаризму.

В отличие от классов, элиты призваны выполнять определенную роль. 10 Роль управления сложными политическими и социокультурными системами. И именно по этой их деятельности их и оценивают, и судят. Главный тезис элитаризма о том, что история развития элит идет от лучшего к лучшему, не подтверждается на практике самими же современными элитами. Практика не просто не подтверждает, а фактически опровергает этот тезис. На самом деле мы видим повсеместное ухудшение качества политических элит и их лидеров, откровенную деградацию в них их профессиональной компетентности и ответственности.

Современные политические элиты исторически боятся своего образ будущего, потому что теряются в своем сегодняшнем определении и не видят себя в будущем. Именно поэтому они и не желают ничего в себе менять. Они осознанно прерывают свое естественное развитие, как самостоятельный путь осознанных изменений. Западные элиты не собираются менять своих ценностей, поскольку считают их универсальными и вечными. Но мы видим, как эти «вечные универсалы» выхолащиваются и превращаются в пустые политические формулы. Аксиологический кризис элит — самое страшное, что с ними вообще может случиться во всемирной истории. И это происходит сегодня на наших глазах.

В карнавале мы сталкиваемся с феноменом замаскированного авторства, когда непонятно кому что принадлежит. Все становится всеобщим. Перед нами оказывается карнавальный коммунизм, где каждый вправе себе присваивать не только тексты, но и образы самих героев (начав жить не своей жизнью, а жизнью выбранных им героев) (Бахтин, 1979, стр. 28). Участники политического карнавала утрачивают свободу восприятия, и вместе с этим они утрачивают себя самих, приобретая в себе чужого. 11 Разрушение идентификации это и есть проникновение в вас чужого. Политические элиты в этом смысле перестают быть элитами, поскольку в них возобладают чуждые для элит свойства и качества.

Кризис элитности в элитах наглядно проявляется в деградации их профессионального политического языка — речь бедна и безлика.

¹⁰ Как отмечал А. Этциони, термин «класс» является понятием социальной стратификации, а понятие «элиты» относится к понятию социальной роли (Etzioni, 1968, р. 113)

¹¹ Еще М. М. Бахтин указывал на то, что точная идентификация состоит в преодолении «чуждости чужого без превращения его в чисто свое» (Бахтин, 1979, стр. 371).

Язык стал катастрофой для элит. Образное мышление крайне примитивно и заменяется мишурой лозунгов и клиповым сознанием. Политический эфир забит «былым шумом». Элиты перестали реализовывать крупные и эффективные программы с выходом на конкретную реальность. Они все больше уходят в удобный для них ими же самими выдуманный мир иллюзий и сюрреализма. Современные политические элиты говорят что угодно, а делают, что умеют.

Несерьезное отношение самих политиков к политическим проблемам было уже давно замечено общественностью. Публика поняла, что власть ведет себя неадекватно вызову современности. Слова политиков потеряли вес, утратив доверие со стороны общества. От политической «прислуги» мы все чаще слышим такие комментарии, что политика, дескать, не правильно поняли, что он хотел на самом деле сказать совеем другое (*«произошла путаница и президента неправильно поняли*») (Trump, 2018, р. 1). Происходит эрозия элитного качества в правящих элитных сообществах. Объяснение этому может быть только одно — возобладала отрицательная селекция элит (когда к власти пришли университетские «троечники», которыми управляет «академический двоечник). В настоящее время мы наблюдаем элитарность (статусные привилегии) без элитности (личного достоинства). Элитарность без элитности приводит к деградации элиты как социокультурного руководящего начала.

Диагноз, который чаще всего выносится современным политическим элитам и их лидерам, характеризует их как сообщество весьма сомнительных субъектов власти, ведущих карнавальный образ жизни. Карнавал стал образом их повседневного существования, особым стилем мышления и рутинного профессионального поведения. Карнавал их состоит из бесконечного числа дипломатических и государственных приемов, заседаний, переговоров, совещаний, брифингов, банкетов и т.д., и т.п. Калейдоскоп этих событий и есть суть бытия политических элит и их лидеров. Возникает вопрос: что определяет что – переживаемый в настоящее время элитами кризис идентичности и профессионализма или господствующая в них карнавальная политическая культура? Карнавальность была выбрана ими осознанно, поскольку не хватало профессиональной компетентности и была необходимость завуалировать эту свою элитную несостоятельность. Такие элиты могли функционировать только в подобной скорректированной ими среде обитания. Объективная реальность была для них слишком жесткой и враждебной, чтобы они могли в ней выжить. Таким образом, карнавальность стала маскировкой некомпетентности, и сама затем многократно порождала ее, тиражируя определенный стиль бытия.

Карнавальная политическая культура противостоит политическим культурам объективной реальности, уход из которой стал общим диагнозом ныне правящих элитных политических сообществ. В карнавальной культуре подменяется даже само понятие «элита». Роль элиты играется субъектами весьма далекими от реальных характеристик элиты. Они имитируют то, что являются элитой лишь по простой причине того, что занимают высшие формальные позиции (должности).

Выражение «британский политик» уже стало таким же мемом, как и выражение «британский ученый». И в скором времени для того, чтобы вообще разумно разговаривать с такими политиками, необходимо будет требовать от них справку об их психиатрическом освидетельствовании. Выдвигаемые британскими политиками обвинения в адрес России, действительно носят клинический характер и свидетельствуют о полной потере ими связи с реальностью. Причиной такого аномального поведения является патологическая обида, вызванная результатом чудовищного столкновения комплекса былого имперского величия и нынешнего комплекса политической неполноценности (профессиональной несостоятельности).

Деградация профессиональных качеств политических элит неизбежно приводит их карнавальной политической культуре, которая есть имитация всего того, чего она касается. Карнавал есть выход зазеркалья на авансцену политической жизни. Описанный еще в середине XIX в. Льюисом Кэрроллом (Lewis Carroll) sur «страны чудес», самым удивительным образом передает характер и содержание политического карнавала (Carroll, 2015). Политический карнавал превращает сюр в некое подобие реальности. И мы видим, как политические элиты с низким коэффициентом профессиональной организации погружаются в пучину карнавальной «страны чудес».

Политический карнавал порождает целый класс бездарных, серых политиков, неспособных решать серьезные исторические проблемы. Они боятся оставаться наедине с этими проблемами. Боятся и потому всячески их избегают. Карнавал как раз и есть такое убежище. Наблюдая за политическими элитами, мы повсюду видим торжество отрицательной селекции элит - с порицанием осмеиваются способные лица, а поощряются только те, кто не является конкурентоспособным.

В политическом мире слишком часто желаемое становится действительным, но со знаком «минус» - стремились к одному, получили

нечто совершенно другое. ¹² Из-за этого и возникает когнитивный диссонанс, способный разрушить мышление не только отдельно взятого индивида, но и целой группы, даже если это элитная группа единомышленников.

В планах таких политиков могут находиться ровным счетом ничего не значащие, но«грандиозные» (по их мнению) проекты. В действительности их тактика заключается в том, чтобы пустить все на самотек и делать вид, что ничего не происходит. Подобного рода практики, как правило, приводят к катастрофическим последствиям — войнам, государственным переворотам, социальным кризисам и подобного рода «неприятностям», на фоне которых все забывают об их коррупционных махинациях, фальсификации и уничтожении реальных демократических прав и свобод. Сами они прекрасно понимают, к чему все идет, и приближают страшные итоги своих действий.

КАРНАВАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

На примере современных политических элит мы видим, как карнавальность вытесняет из них их реальные качества, заменяя их фейковыми достоинствами и такими же сомнительными достижениями. В качестве ценностей карнавальная политическая культура создает мифы и фейковое политическое пространство, которые и становятся их главной политической ценностью. Политический карнавал — это потеря смысла реального и погружение в дремучее мифологизированное состояние, в котором оказывается востребованной любая несусветная дичь.

Превращение реальной политики в карнавальную форму проходит через несколько этапов своей трансформации. На первом этапе политики осознают наличие дефицита элитности в них самих как элите и понимают невозможность ликвидировать этот недостаток законными средствами. На втором этапе они совершают подмену действительности на удобную для них историю, в которой они выглядят как

¹² Американский политолог У. Энгдаль в своей книге «Предначертание судьбы. Демократия как когнитивный диссонанс» прямо указывал на этот разрыв всех политических шаблонов: «За пределами небольшого круга старших должностных лиц ЦРУ, Госдепартамента и Пентагона США, а также их союзников в избранных вашингтонских аналитических центрах, таких как Американский институт предпринимательства или нью-йоркский Совет по международным отношениям, мало кто понимал, что Вашингтон собирается развязать интенсивные согласованные усилия по смене режимов в бывших коммунистических странах Восточной Европы, на Украине и в недавно образованной Российской Федерации. Их лозунгом были «демократия по образцу США, свобода, права человека, неолиберальный свободный рынок». В реальности это стало новыми тираниями, а в некоторых случаях, таких как Украина, это стало гораздо хуже, чем то, что было при Советском режиме» (Engdahl, 2018).

настоящая элита. И, наконец, третий акт этой политической комедии/трагедии — вовлечение в эту историю политического актива (той части общества, которая интересуется политикой и является их электоратом). В результате возникает искаженная политическая реальность карнавального типа.

Карнавальная политика представляет собой практику правящих элит и их лидеров, направленную на замалчивание важных проблем и акцентирование внимания на второстепенных сложностях, решения которых не требует от них высокой профессиональной компетенции. В результате во власти оказываются лица с весьма ограниченными интеллектуальными, волевыми и моральными данными и весьма сомительными достоинствами. Основой их политической деятельности становятся фейки, между которыми и возникает конкурентная борьба. В сущности своей карнавальная политика и есть парад фальсификаций и манипуляций с политической действительностью.

Утрата элитами своей идентичности приводит их к самозванству - они начинают выдавать себя за то, чем в действительности не являются. Самозванство уже предусматривает наличие не просто обмана, а системного действия (сговора), порождающего интригу, характерную для театральных пьес авантюрного характера. Именно трикстеры склоняют карнавальных дураков наразличного рода («aventure»), перенося на них возникающие риски своих сомнительных проектов. Трикстер – авантюрист («aventurier»)и у таких политиков беспринципность в крови. В поисках своего счастья такие проходимцы готовы поставить на кон не только свою собственную жизнь, но и жизнь других. Один раз, переступив через мораль, они всегда будут стремиться находиться в таком состоянии – в состоянии иллюзорной абсолютной свободы. При этом участники карнавала оказываются неспособными просчитать риски, которые им несут эти их авантюры. Достижение легкого успеха, они воспринимают за одержанную ими победу. Но плоды от этих побед совершенно пустые. Сама по себе авантюра порождает азарт и эмоциональное возбуждение. Она становится главной целью жизни подобных «деятелей».

Популярными становятся позорные темы и скабрезные истории, в которых политики сами себя делают фриками. Выясняется, что в современном мире от популярности до откровенного троллинга один шаг. И политики постоянно переходят эту красную черту, даже не замечая этого. Политический карнавал превращает политиков в нелепых фейков, с фанатичным блеском глаз и лишенных всякого критического мышления, в воспаленном мозгу которых рождаются несусветные глупости.

Субъекты политического карнавала всегда выдают себя за более крупные величины, чем они есть на самом деле. И в этой подмене вся их суть. Затевая карнавальную возню, они надеются сравняться с реально крупными действующими политическими субъектами, хотя бы чисто зрительно встать рядом с ними. Даже простое упоминание их с такими величинами в СМИ, придаёт им авторитет в глазах их сторонников (поклонников).

КАРНАВАЛ КАК АНОМАЛЬНАЯ ЗОНА ПОЛИТИКИ

Когда большинство слов политиков повисают в воздухе, а сами они выглядят неубедительными на фоне серьезных политически событий, то таких деятелей подготовленная публика склонна расценивать как демагогов, устроивших очередной политический спектакль. Громкие политические заявления экспертным сообществом расцениваются как откровенную глупость, поскольку они звучат без должного объяснительного и доказательного сопровождения. Экстрим карнавальной политической культуры заключается в ее непредсказуемости и необъяснимости, склонности к хаосу, затрудняющему рациональное постижение этой сюрреальности.

Сущность карнавальности заключается в необъяснимости происходящего - то, что непонятно публике и что раздражает ее, чаще всего оказывается плохо необъяснимо теми, кто за всем этим стоит. В одном и том же выступлении такой политик может утверждать (сам того не замечая) взаимоисключающие вещи (Фёдоров, 2019, стр. 58). Карнавальная политическая культура характеризуется «качелями настроений»: отношения к тем или иным политикам могут столь стремительно меняться с позитивного на негативное, что за этими переменами политическая наука не всегда успевает. На конкретных примерах новейшей политической истории мы знаем как первоначальная «иррациональная эйфория» переходит в свою противоположность, и становится «иррациональной критикой». Но дать всему этому рациональное объяснение бывает не в состоянии даже политическая герменевтика.

Участники политического карнавала постоянно выдают желаемое за действительное. Самое главное громче всех прокричать, что они самые лучшие, потому что они герои и ведут за собой все человече-

^{*}Emmanuel Macron esttrèscourageux», estime Frédéric Mitterrand sur RTL. - URL: https://www.rtl.fr/actu/politique/frederic-mitterrand-emmanuel-macron-esttres-courageux-7795672031 (15.01.2018)

ство. 14 Имиджи политиков постоянно балансируют на грани адекватности и законности, и в экстремальных условиях приводят к ухудшению их персонального имиджа и конкурентного рейтинга. При этом реальные профессиональные качества отходят далеко на задний план и не принимают участие в этих «рейтингах».

Политический карнавал становится аномальной зоной политики, в которой всё подвергается своему искажению. Это место, где ложь активно рождает новую реальность, оторванную от объективности, но всеми охотно воспринимаемую за таковую. Аномальная зона политического карнавала занимается тем, что разрушает одни нормы и пытается создать из этих обломков нечто иное, откровенно напоминающую собой химеру. Каноны карнавала — повтор уже известного, но только в перевернутом состоянии и совершенно искаженным смыслом. Политический карнавал меняет шаблоны действительности: он искажает смыслы слов, обрушивает основы восприятия культуры, расшатывает психику индивида, общества и власти. В результате происходит разрыв шаблонов между тем, что есть и тем, что желает общественное большинство и политическое меньшинство.

Политический карнавал искажает все базовые ценности, меняя их смыслы. Так лозунг Великой французской революции «Liberté, Égalité, Fraternité», на практике был подменен гильотиной, воинствующим атеизмом и французским империализмом. На фоне этих искажений лозунг «Свобода, Равенство. Братство» выглядел весьма комично и нелепо. Все это понимали, но делали вид, что этого не замечают. Почему? Потому что всем было так удобно. Многие аристократы и после смещения Наполеона продолжали играть в эту игру, и даже сделали символы французской революции национальным гербом, флагом и гимном республиканской Франции.

Именно усиление игры и игровых форм во властных структурах являются первым указателем на то, что политическое пространство

¹⁴ В декабре 2020 г. власти Британии первыми на Западе одобрили вакцину от коронавируса и решили заодно привить населению национальную гордость. Вышло весьма комично. «Наша страна намного лучше, и в ней живут самые лучшие люди»,— объяснил министр образования, почему британцам повезло больше, чем жителям США и Евросоюза, где вакцина еще не одобрена. «Всё благодаря брекситу»,— растолковал министр здравоохранения. Министр бизнеса взял выше и в твите написал: «Долгие годы мы будем вспоминать этот момент как день, когда Британия повела человечество в атаку против вируса» (в духе гимна «Правь, Британия!»). Патриотический порыв членов кабинета Бориса Джонсона вдохновил боготворящую его прессу и сторонников. Но озадачил и возмутил политических противников, экспертов, чиновников, дипломатов и медиков— как дома, так и заграницей. Они напомнили триумфаторам, что одобренную ими вакцину Рfizer/BioNTech придумали и сделали в Германии и США, а производят в Бельгии. - «Исправь, Британия!» Как триумф по случаю одобрения вакцины обернулся конфузом. 04.12.2020. - URL: https://news.mail.ru/society/44423618/?frommail=1

начинает засеиваться семенами карнавальной политической культуры. ¹⁵ Игровые практики весьма хорошо изучены современной отечественной политической наукой (См., например: Ветренко, 2003, 2009). Поэтому мы будем исходить из уже имеющегося анализа этого явления. Отметим лишь, что заигравшиеся карнавальные политики, выигрывая по мелочам, обычно проигрывают в конечном счете. Доигравшиеся до плачевного финала субъекты элит оказываются списанными и переходят в число зрителей политического карнавала.

Карнавальность начинает постепенно проступать в тех случаях, когда политик или те, кто выдает себя за политиков, начинают играть в политику, для которых политика перестает быть суровой необходимостью, и становится занятной случайностью. Описываемый нами случай наглядно виден на примере экс-политиков, для которых политика действительно оказалась делом случая. После завершения своей политической карьеры и написание апологетических мемуаров, такие политики больше себя ничем не проявляют, демонстрируя преступную для истории пассивность. Они фактически становятся аполитичными. Можно конечно предположить, что новые власти попросту не допускают их к активной политике, охраняя их как носителей государственных тайн. Но подобное предположение лишь отчасти объясняет нам природу этой ситуации.

КАРНАВАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ

Исследователи этого феномена отмечают о возросшей в последнее время частоте использования юмора в политике. И причиной тому являются сами политики – их низкий уровень компетентности. Их выдает собственный язык: они часто начинают фразу с одного тезиса, а заканчивают противоположным; любое понятие они немедленно выворачивают наизнанку, подвергая карнавальной травести (карнавал, по М.М. Бахтину, как раз и есть травестия – пародийное иносказание социальных и политических норм и правил) (Дмитриев & Сычев, 2005, стр. 549-550).

В современной карнавальности мы легко улавливаем значительное присутствие характерных черт *декадентства* — такой же отход от общественности и отвращение к повседневной жизни (*taediumvitae*), отрыв от реальности, существование политики для политики, как искусства для искусства и т.д., и т.п.Декадентские элиты замыкаются на

 $^{^{15}}$ Согласно Платону, вся жизнь человека есть игра. Поэтому игра для всех нас является естественным поведением, поскольку все мы по природе являемся бессмысленными куклами (thauma) «великих богов» (3аконы VII, 803b-804b) (Платон, 1994б).

своих интересах, живут исключительно сегодняшним днем и отрываются от масс, утрачивая понимание их нужд и стремлений. Элита оказывается для элиты.

Карнавальная элита занимается тем, что ей выгодно сейчас, но что вряд ли может ей понадобится в будущем (особенно ее будущим поколениям политиков). Они погружаются в иллюзию праздника жизни, свято веря, что он и есть та самая объективная реальность, в которой они существуют как главные и самые значимые субъекты.

В дискурсе политических элит мы явственно наблюдаем стремительное упрощение профессионального языка, в котором появились и утвердились элементы фамильярно-площадной речи, граничащие с вульгарной формой и откровенной бранью (Бахтин, 1990, стр. 8-9, 16). Политики перестали стесняться в выражениях. Они утратили этические барьеры, ранее не позволявшие им использовать ненормативную лексику. Жаргонные выражения стали нормой их политической речи. Их мало заботят приличия и мнение «высшего света». Сам их «высший свет» стал таким же, как и они — вульгарным и беспринципным (*«mauvaiston»*).

Смех над элитами стал составной частью политической культуры. У этого смеха двойная природа: смех, порожденный самими субъектами элит, вследствие их нелепых действиями и высмеивание элит (сатира) со стороны публики (общественности), когда поруганию повергаются их пороки и мнимые достоинства и достижения. В первую очередь политические элиты смешат публику своей неуклюжестью. Смеясь над представителями власти, общество освобождает себя от гнета власти. В этом смысле смех есть великая освободительная сила (Аверинцев, 1992, стр. 8). Осмеянная народом власть, уже не является для него сакральной и утрачивает значительную часть своей легитимности.

Карнавальные постановки всегда путают порядок действия. Поэтому никогда не ясно, является происходящее первым актом или это уже его финальная часть и скоро будет уже занавес. Короткая память формируется вследствие стирания истории, когда всё предыдущее превращается в некий комикс, в котором герой и злодей могут обмениваться позициями в зависимости от реализуемой здесь и сейчас политической цели.

Карнавал становится публичной сценой для «политических хомячков», уверовавших в то, что придуманный ими мир и есть та самая объективная реальность, в которой все должны жить и восхищаться ими как главными действующими лицами истории. Они существуют в мире своих фантазий и уподобляются детям, обсуждающим в песоч-

нице насущные проблемы, опираясь на прошлогодние сновидения и услышанные от бабушек сказки.

Западные политические элиты живут в культурных кодах общества, описанного еще Льюисом Кэрроллом (Carroll, 2015) и Джорджем Оруэллом (Orwell, 1949),как общество и политическая система карнавальной культуры. Это удивительный симбиоз и того, и другого; это утопия «кроличьей норы», где совершаются самые невероятные чудеса и глупости ханжества и парадоксальности, первыми жертвами которых становятся логика и совесть — два главных родовых признака человечества. Современная политика все больше напоминает такую кроличью нору.

Карнавальные политические элиты пытаются импровизировать, но своими действиями лишь умножают хаос. При этом уровень авторитета (доверия к такой власти) становится весьма сомнительным. В условиях политического карнавала авторитетом становится любая звенящая пошлость. Погружаясь в карнавальную политическую культуру, субъекты элит, сами того не замечая, начинают имитировать и даже пародировать самих себя. Якобы классические формы политики искажаются ими до неузнаваемости. Они активно занимаются конструированием иной сферы бытия, которая лишь кажется, но не является реальностью (Бахтин, 1990, стр. 11).

Карнавальная политическая культура дает возможность поливать всех политиков грязью, которая маскирует собой реальность. Создание ложных альтернатив, шараханье и паника, клоунада непостоянства, перманентные психозы и фобии - все это порождает и содействует развитию цепной реакции лжи. Создание ложных смыслов и ценностей (например, объявление налоговых каникул для бизнес структур, которые уже «скончались») является тоже карнавальностью, поскольку искажает объективную реальность. При этом параноидные настроения мешают объективно оценивать реальность. Подозрения в коварстве не дают им спокойно жить и править.

Одним их психологических элементов карнавальности политической культуры является часто повторяющаяся модель поведения субъекта власти — закрывать глаза на одни события и подменять реальную угрозу фейковыми страшилками. Ходить далеко за конкретными примерами, иллюстрирующими этот тезис, не приходится. Достаточно вспомнить русофобскую истерию, которую коллективный Запад развязал против России в 2010-е гг.

Презрение к интересам своего народа лидеры Европейского Союза показали во время Brexit, который они откровенно сделали как можно более сложным. Эта история показала, насколько политиче-

ское руководство ЕС презирает демократию. Марин Ле Пен утверждает, что лидеры ЕС никогда не подвергают сомнению себя. По мнению президента Франции Эммануэля Макрона, Европейскому Союзу нечего винить себя в том, что «британцы ушли, потому что они стали жертвами [собственной] лжи, манипуляций и т.д. Политики отказываешься смотреть правде в глаза. Это проблематично для каждого лидера» (Garach, 2020).

Утрата нравственных ориентиров открывает перед субъектами элиты ницшеанские перспективы — для них «бог умер» и им теперь можно все. Ощущение неограниченных возможностей играет с ними злую шутку. А именно — злая шутка начинает лепить из них неузнаваемые образы, искажая саму их человеческую сущность.

ЭЛИТЫ И АМОРАЛИЗМ

Злонамеренное искажение политической реальности происходит при условии исчезновения из этой сферы морали — моральной оценки и выхолащивание норм профессиональной и общечеловеческой этики. Сторонники политического реализма вообще стараются не рассматривать моральные критерии в качестве базовых оценок качества политических элит. Они исследуют их возможность использования статусных позиций, но мораль и личностные качества субъекта элит оставляют без должного на то внимания. Торжество макиавеллизма и означает достижение цинизмом своего наивысшего предела развития. Именно отсутствие совести становится главным мерилом элит.

В политической карнавальной культуре элиты занимаются морализмом лишь для того, чтобы уличить в аморализме своих конкурентов в борьбе за власть. И все это является следствием окончательной потери политиками совести. Торжество макиавеллизма выхолащивает душу политическим деятелям. Потеря совести у таких политиков приводит их к политической близорукости — они не видят того, что творится у них под ногами, зато громко кричат о том, что происходит на другом континенте (они не замечают творимого у себя насилия, но зато видят его самое минимальное проявление у других).

Исторической науке хорошо известно, как можно превратить политического деятеля в комическую фигуру, приписав ему совершение неких аморальных поступков. Достаточно бывает просто переодеть его в женское платье (как это случилось, например, с А.Ф. Керенским в октябре 1917 г.), чтобы навсегда испортить ему его и без того сложную репутацию. Злонамеренное превращение своего оппонента в

трикстера, приводит к десакрализации его власти и авторитета.¹⁶ Как фрагмент политической истории политический карнавал может на время перехватывать инициативу и становится главным событием. Но это торжество карнавальной политической культуры носит, как правило, кратковременный характер, если вслед за одним актом политиследует другой, карнавала не затем a тий...Политический карнавал состоит и часто распадается на отдельные действия в виде театра абсурда, балагана, цирка или психиатрической клиники. Тотальный балаган – не только «хлеб и зрелище», но и банальное воровство кошельков у ротозеев во время самого яркого действия.

Нынешние политические элиты перестали производить ценности и перешли на исключительное потребление того, что было создано их предшественниками. За последние 20-30-40 лет не было сформулировано ни одного нового смысла и ни одной ценной системы идей. Многие из политических систем вступили в период «морального износа», когда уже перестали нести ответственность за свои страны и народы: «моральный износ власти является очень серьезной угрозой с точки зрения стабильности современных политических режимов. Подспудный общественный протест, вызревший внутри вследствие целого ряда факторов, может привести к резкому всплеску политической конфликтности и даже крушению внешне вполне устойчивых режимов» (Шатилов, 2020, стр. 17).

Опыт переоценки всех ценностей приводит экспериментаторов к отрицанию всех моральных норм, к антиморали. «Антимораль — это не просто особенности ценностных ориентаций и поведения какойлибо социальной группы, а открыто враждебная традиционной морали, воинствующая идеология перемены местами "белого" и "чёрного", добра и зла, правды и лжи. На протяжении человеческой истории антимораль в основном развивалась в рамках двойной доктрины синкретических, эзотерических учений гностического толка (катары, вальденсы, розенкрейцеры, масоны), которые, эксплуатируя понятия сво-

¹⁶ По этому поводу исследователи отмечают, что «трикстер аморален, с точки зрения существующей этической системы культурного героя. Он стоит на грани мира человеческого общества и первобытного мира Дикой Природы, поэтому с точки зрения социального человека смешон, нерассудителен или бессознателен. Обладает зачастую ярко выраженными чертами соблазнителя – гиперсексуала и обжоры. Склонен к переодеванию женщиной и/или перемене пола» (Гаврилов, 2006).

¹⁷ Еще Р. Мертон писал по этому поводу (имея в виду общую тенденцию развития): «Если в прошлом носители биографий... представляли собой "идолов производства", вышедших из недр промышленности... то нынешние герои являются "идолами потребления", почти поголовно пришедшими из индустрии развлечений и мира спорта» (Merton, 1946, р. 145).

боды, знания, гуманизма, постепенно подводили человечество к мысли о необходимости и неизбежности земной "жизни во Зле", а значит, и поклонения хозяину этой проявленной материальной жизни — "князю Зла-Демиургу"» (Тяпин, 2015). Особенно сильно эти тенденции проявляются во время абсолютного расцвета и особенно на закате могущества империи.

Карнавальная политическая культура имеет страсть к помпезным парадам, шумным демонстрациям и факельным шествиям с использованием яркой политической символики. В политическом карнавале все показушно – и глупость, и жестокость, и героизм, и т.д., и т.п. Главное для него - реклама и самопиар. Политический карнавал призван легализовать и легитимировать некоторые табу и сам факт перешагивания через порог запрета, преподносится в качестве главного его достижения. Разрушая запреты и провозглашая лозунг тотальной свободы, карнавал тем самым впадает из одной крайности в другую – он совершает переход от строгого порядка (где господствует диктат запрета) к анархии хаоса (безответственному проявлению эго). Получившие подобную свободу лица, ощущают себя избранными, видят себя в качестве вершителей исторических судеб. Именно таким и нужен эффект «конца истории», когда все, что было до них, объявляется несущественным и ненужным. «Конец истории» есть крах конкретных систем ценностей, есть «убийство аксиологической целостности».

«КОНЕЦ ИСТОРИИ»: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ ПЕРЕД ВЫЗОВОМ «2020»

На наших глазах заканчивается эпоха идеи либеральной демократии, господствовавшая в США в качестве базовой идейной доминанты. Исчерпали себя смыслы либеральной идеологии. Общество и власть заняты поиском новых смыслов, которые все еще не могут сформулировать в качестве полноценных идеологических концепций. Элиты, приверженцы этих идеологических догм, растеряны и не знают, что им делать. Обещанного выгодного для них «конца истории» не случилось. Конец истории обратился теперь против них, внеся в их ряды разлад и смятения. 18

^{8 -}

¹⁸ Для англосаксов действительно наступил конец истории их мирового могущества. Он совпал с еще одним концом истории – мучительным завершением позднего индустриализма и мучительным рождением века постиндустриализма. Добавить к этому еще идеологический кризис западного либерализма и картина в целом будет завершена. Очередная вспышка на Западе эпидемии вируса русофобии, как раз свидетельствует о том, что этим элитам нечего предложить своим народам и они вынуждены карнавализировать свой политический процесс, чтобы удержаться у шатающейся у них под ногами власти.

Концом истории элит неизбежно является политический карнавал. И мы неоднократно видим, как на протяжении всей политической истории человечества подобные истории случались с пугающей регулярностью, неизменно подводя итог бытия конкретных элитных сообществ. Политика погружается в карнавальность тогда, когда политики перестают исполнять свои прямые профессиональные обязанности и начинают активно имитировать свою бурную деятельность.

Усиление культуры политического карнавала указывает на конец истории традиционных политических культур. В этом смысле политический карнавал есть реализация концепции «конца истории» - политики по отмене всего исторического прошлого, как отжившего и ненужного, как отрицания позитива в наследии предков. Продолжением развития этого тезиса являются постоянные ожидания «конца света» в результате какого-то экстраординарного события — новой мировой войны, глобального финансово-экономического кризиса, катастрофического природного события и т.д. В 2020 г. таковой вселенской историей стала пандемия коронавируса.

В 2020 г. в связи с Covid-19 политические элиты ушли на временный карантин. Они не только самоизолировались друг от друга, но и выставили некоторые заградительные (охранительные) барьеры и в отношении своих обществ (речь идет о запрете на массовые политические акции) и политических партнеров. Для современных политических элит Covid-19 стал своего рода катализатором их ненормативных практик, усилив их психоз, расшатав и без того их хрупкую устойчивость к подобного рода стрессам.

Именно карантин 2020 г. выявил внутренние противоречия, существующие в элитах и тщательно ими маскировавшиеся. О политическом карантине заговорили в ЕС, когда был приостановлен шенгенский процесс и страны самоизолировались друг от друга. Но более серьезная самоизоляция связана не с пандемией коронавируса, а с попытками нивелировать начавшийся новый мировой кризис. В данном смысле политический карантин означает разрыв прежних политических контактов между национальными лидерами и экономических связей соответствующих структур (фирм и деловых партнеров).

Современные элиты являются жертвами процесса демократизации и омассовления политических и общественных систем, которые происходили в течение всего XX столетия. Либеральная демократия построена на играх избирательных циклов, носящих для их общества развлекательный характер. Легитимность такой демократической игры становится процедура передачи власти от одной бутафорской элиты к другой. Влияние же на выбор самого общества оказывается фор-

мальной. Процедура выбора всего лишь замаскированный способ выпуска социального пара.

Политические элиты ушли на карантин связанный с пандемией Covid-19, забыв поставить «на паузу» политику. В результате этого с ними стали происходить всякого рода странности, которые ранее были скрыты от взора эмпирической элитологии существующим политическим закулисьем. Раскрытие истинной природы политического закулисья, спасает многих от «пагубного идеализма» в оценках власти. Раскрытие подобных тайн чревато для тех, кто это делает потерей «безупречной» репутации, ибо в этом обществе не принято писать откровения о тех, кто еще находится у власти (Гейтс, 2014).

выводы

Карнавальная политическая культура представляет собой клоунаду политического цирка, который ворвался на подмостки политического театра и вытащил закулисы на авансцену. Он выворачивает наизнанку всю подноготную большой политики, которую ранее она стыдливо скрывала от публики. В этом смысле политический карнавал означает окончательную потерю политическими элитами стыда. Совесть перестает для них быть ценностью их бытия. Благодаря Н. Макиавелли, мы знаем, что политик, исключивший этику из своей повседневной профессиональной деятельности, неминуемо превращается в зверя, объявляя при этом себя сверхчеловеком. На самом деле, утрачивая человеческое обличие, такие политики превращаются в бесят. Вслед за потерянной этикой, они также теряют логику рационального мышления и чувство меры. Именно эти потери мы и обнаруживаем в базовых характеристиках современных политических элит.

Потеря элитами своей идентичности указывает на кризис элитного качества в элитах — самое страшное событие в их жизни, поскольку содержит в себе обвинение в их профессиональной некомпетентности. Утрата идентичности современных элит связана не только с их профессиональной деятельностью, но и с кризисом их общей культуры (деградацией моральных основ). Политическая карнавальность и есть попытка удержаться в политике, находясь за рамками морали. По ту сторону морали элиты могут мнить себя сверхчеловеком. Мнить, но не быть. Именно мораль оказывается главным препятствием на пути к безграничному господству эгоизма субъекта карнавальных элит. Отказаться от морали, значит для них обретение окончательной свободы. Свободу, не предусматривающую никакой ответственности.

В современных политических элитах мы обнаруживает утрату реальности и яростное (просто отчаянное) замещение ее символическими единицами. Бороться с этим недугом можно лишь серьезно изменив систему координат, т.е. только изменив алгоритм их мышления. Обычные моральные увещевания тут не помогут. Необходимо не возвращать им утраченную в ходе эволюции мораль, а вернуть само чувство реального на главных уровнях — политическом и культурном.

Список литературы

- Almond, G. A. (1956). Comparative Political Systems. *The Journal of Politics*, 18(3), 391–409. doi: 10.2307/2127255
- Berger, P. L., & Luckmann, T. (1966). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Doubleday.
- Carroll, L. (2015). Alice's Adventures in Wonderland. «Macmillan Publishers».
- Chenu, G.-M. (2002). Balkans (1991-1995): Uneamère experience. In S. P. Cohen (Ed.), *Les diplomates. Négocierdansun monde chaotique* (pp. 128–139). Autrement. (In French).
- Dusseaulx, A.-C. (2018). Trump, Macron et l'armée européenne: Une passe d'armes en quatre actes. *Journal de Dimanche*. Retrieved from https://www.lejdd.fr/International/trump-macron-et-larmee-europeenne-une-passe-darmes-en-quatre-actes-3797597
- Engdahl, W. (2018). *Manifest Destiny: Democracy As Cognitive Dissonance*. Wiesbaden: mine.books.
- Etzioni, A. (1968). *The Active Society. A Theory of Societal and Political Processes*. New York: The Free Press.
- Fukuyama, F. (1989). The End of History? *The National Interest*, (16), 3–18.
- Garach, C. (2020, February 4). Entretien avec Marine Le Pen: "L'Union européenne fonce dans le mur." Retrieved from Euronews website: https://fr.euronews.com/2020/02/04/entretien-avec-marine-le-pen-l-union-europeenne-fonce-dans-le-mur
- Merton, R. (1946). Mass persuasion. New York: Harper & Brothers.
- Orwell, G. (1949). *Nineteen Eighty-four*. London: Secker & Warburg.
- Stiglitz, J. E. (2010). Interpreting the Causes of the Great Recession of 2008. Financial System and Macroeconomic Resilience: Revisited. Bank for International Settlements, (53), 4–19.
- Аверинцев, С. С. (1992). Бахтин, смех, христианская культура. В M. M. Бахтин как философ (сс. 7–19). Москва: Наука.
- Арбатова, Н. К. (Ред.). (2013). *Кризис ЕС и перспективы европейской интеграции* (политические аспекты). Москва: ИМЭМО РАН.

- Ашин, Г. К. (2010). Элитология: История, теория, современность: Монография. Москва: МГИМО.
- Бауман, З. (2008). Текучая современность. Санкт-Петербург: Питер.
- Бахтин, М. М. (1979). Эстетика словесного творчества. Москва: «Искусство».
- Бахтин, М. М. (1990). *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневе*ковья и Ренессанса. Москва: «Художественная литература».
- Ветренко, И. А. (2003). *Социально-исторический статус игры: Монография*. Омск: Издательство «Прогресс».
- Ветренко, И. А. (2009). Игровые практики в политическом процессе: Монография. Омск: Издательство ОмГУ.
- Гаврилов, Д. А. (2006). К определению трикстера и его значимости в социокультурной реальности. В Первая Всероссийская научная конференция «Философия и социальная динамика XXI века: Проблемы и перспективы», 15 мая 2006 г. [Материалы] (сс. 359–368). Омск: СИБИТ, ИПЭК, СРШБ (колледж).
- Гейтс, Р. (2014). Долг. Мемуары министра войны. Москва: АСТ.
- Дмитриев, А. В. (1998). Социология политического юмора. Москва: РОССПЭН.
- Дмитриев, А. В., & Сычев, А. А. (2005). Смех: Социофилософский анализ. Москва: Альфа-М.
- Литвак, Н. (2018). Современная дипломатическая служба как рефлексивный институт. *Полис. Политические исследования*, (2), 163–172. doi: 10.17976/jpps/2018.02.12
- Литвинов, Н. Н. (2010). Бренд-стратегия территорий. Алгоритм поиска региональной идентичности (часть 1). *Бренд-Менеджмент*, (4), 244–255.
- Платон. (1994а). Государство. В А. Ф. Лосев (Ред.), *Платон. Собрание сочинений в 4 т.* (Т. 3, сс. 79–420). Москва: «Мысль».
- Платон. (1994b). Законы. В А. Ф. Лосев (Ред.), *Платон. Собрание сочинений в 4 т.* (Т. 4, сс. 71–437). Москва: «Мысль».
- Тяпин, И. Н. (2015, июнь 9). Национальные идеи стран англосаксонского мира в «плену» антиморали: Итоги эволюции. *Россия навсегда*. Извлечено от http://rossiyanavsegda.ru/read/3000/
- Фёдоров, С. М. (2019). Европейский проект Макрона и вопросы суверенитета. В В. Я. Швейцер (Ред.), *Свет и тени «эры Макрона»* (сс. 55–59). Москва: Институт Европы РАН.
- Xaac, P. (2019). Мировой беспорядок. Москва: «AST Publishers».
- Хантингтон, С. (2004). *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. Москва: ACT: «Транзиткнига».
- Хёсле, В. (1994). Кризис индивидуальной и коллективной идентичности. *Вопросы философии*, (10), 112–123.

Шатилов, А. Б. (2020). «Моральный износ» власти как фактор дестабилизации политических режимов. *Власты*, (4), 9–17.

References

- Almond, G. A. (1956). Comparative Political Systems. *The Journal of Politics*, 18(3), 391–409. doi: 10.2307/2127255
- Arbatova, N. K. (Ed.). (2013). *The EU Crisis and Prospects for European Integration (Political Aspects)*. Moscow: IMEMO RAS.. (In Russian).
- Ashin, G. K. (2010). *Elitology: History, Theory, and Modernity: A Monograph*. Moscow: MGIMO. (In Russian).
- Averintsev, S. S. (1992). Bakhtin, Laughter, Christian Culture. In *M. M. Bakhtin as a philosopher* (pp. 7–19). Moscow: Nauka. (In Russian).
- Bakhtin, M. M. (1979). The Aesthetics of Word Creation. Moscow: Art. (In Russian).
- Bakhtin, M. M. (1990). The Work of François Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and the Renaissance. Moscow: Fiction Literature. (In Russian).
- Bauman, Z. (2008). *Ongoing Modernity*. Saint Petersburg: Piter. (In Russian).
- Berger, P. L., & Luckmann, T. (1966). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Doubleday.
- Carroll, L. (2015). Alice's Adventures in Wonderland. «Macmillan Publishers».
- Chenu, G.-M. (2002). Balkans (1991-1995): Uneamère experience. In S. P. Cohen (Ed.), *Les diplomates. Négocierdansun monde chaotique* (pp. 128–139). Autrement. (In French).
- Dmitriev, A. V. (1998). *The Sociology of Political Humor*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Dmitriev, A. V., & Sychev, A. A. (2005). *Laughter: A Sociophilosophical Analysis*. Moscow: Alfa-M.. (In Russian).
- Dusseaulx, A.-C. (2018). Trump, Macron et l'armée européenne: Une passe d'armes en quatre actes. *Journal de Dimanche*. Retrieved from https://www.lejdd.fr/International/trump-macron-et-larmee-europeenne-une-passe-darmes-en-quatre-actes-3797597
- Engdahl, W. (2018). *Manifest Destiny: Democracy As Cognitive Dissonance*. Wiesbaden: mine.books.
- Etzioni, A. (1968). *The Active Society. A Theory of Societal and Political Processes*. New York: The Free Press.
- Fedorov, S. M. (2019). Macron's European project and sovereignty issues. In V. Y. Schweitzer (Ed.), *Light and Shadows of the Macron Era* (pp. 55–59). Moscow: Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Fukuyama, F. (1989). The End of History? *The National Interest*, (16), 3–18.
- Garach, C. (2020, February 4). Entretien avec Marine Le Pen: "L'Union européenne fonce dans le mur." Retrieved from Euronews website:

- https://fr.euronews.com/2020/02/04/entretien-avec-marine-le-pen-l-union-europeenne-fonce-dans-le-mur
- Gates, R. (2014). Duty. Memoirs of a Minister of War. Moscow: ACT.. (In Russian).
- Gavrilov, D. A. (2006). Toward Defining the Trickster and Its Significance in Socio-Cultural Reality. In *First All-Russian Scientific Conference "Philosophy and Social Dynamics of the XXI Century: Problems and Prospects", May 15, 2006.* [Proceedings]. (pp. 359–368). Omsk: SIBIT, IPEC, SRSB (college). (In Russian).
- Haas, R. (2019). The World's Disorder. Moscow: «AST Publishers». (In Russian).
- Hoesle, W. (1994). The Crisis of Individual and Collective Identity. *Questions of Philosophy*, (10), 112–123. (In Russian).
- Huntington, S. (2004). Who We Are: Challenges to America's National Identity. Moscow: ACT.: Transitkniga. (In Russian).
- Litvak, N. (2018). The Modern Diplomatic Service as a Reflexive Institution. *Polis. Policy Studies*, (2), 163–172. doi: 10.17976/jpps/2018.02.12 (In Russian).
- Litvinov, N. N. (2010). Brand-strategy of territories. Algorithm of the search for a regional identity (part 1). *Brand Management*, (4), 244–255. (In Russian).
- Merton, R. (1946). Mass persuasion. New York: Harper & Brothers.
- Orwell, G. (1949). Nineteen Eighty-four. London: Secker & Warburg.
- Plato. (1994a). State. In A. F. Losev (Ред.), *Plato. Collected Works in 4 vols.* (Vol. 3, pp. 79–420). Moscow: Mysl. (In Russian).
- Plato. (1994b). Laws. In A. F. Losev (Ред.), *Plato. Collected Works in 4 vols.* (Vol. 4, pp. 71–437). Moscow: Mysl. (In Russian).
- Shatilov, A. B. (2020). The "moral wear and tear" of power as a factor in the destabilization of political regimes. *Power*, (4), 9–17. (In Russian).
- Stiglitz, J. E. (2010). Interpreting the Causes of the Great Recession of 2008. Financial System and Macroeconomic Resilience: Revisited. Bank for International Settlements, (53), 4–19.
- Tyapin, I. N. (2015, June 9). National Ideas of the Anglo-Saxon World in the Captivity of Antimorality: Evolutionary Findings. *Russia forever*. Retrieved from http://rossiyanavsegda.ru/read/3000/ (In Russian).
- Vetrenko, I. A. (2003). *The Social and Historical Status of the Game: A Monograph*. Omsk: Progress Publishing House. (In Russian).
- Vetrenko, I. A. (2009). *Playful Practices in the Political Process: A Monograph*. Omsk: Omsk State University Press. (In Russian).